

ОКНО В ПРИРОДУ

НЕТ НАДОБНОСТИ гадать, почему она названа Ясной. Приходите от входа в усадьбу березовую аллею, постройкой имения, фруктовые сады, массивы леса с названиями Чапыж и Заказ, и дорожка из-под берез, дубов и ясеней выведет вас на простор - на большую поляну. Тут, если взойти на взгорок, открывается мир, который сразу тебя остановит, и его захочется как следует разглядеть.

Сидишь под березами на высьотке, и вся поляна, залитая солнцем, как на ладони. Со всех сторон обрамляет поляну лес. Внизу по равнине змеится речка Воронка с двумя мостами. Угадывается дорога, по которой лошадь лениво тянет телегу, проходит к речке стайка посетителей Ясной Поляны. Опушки леса темны, а поляна золотится под солнцем. Островок кустов и деревьев, уже тронутый желтизной, расположен в центре ее. Он дразнит глаза переливами затуманенных красок. Кажется, в зарослях обязательно должен кто-нибудь прятаться - зайчишка, лиса.

Сознаешь: на тульской и орловской земле немало таких полей, приютившихся меж холмами, поросшими лесом. Но эта - особая. Кто-то назвал ее Ясной. И сколько раз по этой поляне проходил, проезжал вот так же в телеге или верхом на лошади человек, чье имя является гордостью россиян, кого знает, теперь уж навечно, все человечество.

Лев Толстой любил это место в усадьбе, часто сюда приходил постоять, посидеть на своем «стульчике-палке», увидеть, как за поляною в лес прячется солнце. В его дневнике читаем волнующие душу слова: «Вышел за Заказ вечером и заплакал от радости, благодарной за жизнь».

ЭКСКУРСОВОДЫ в Ясной Поляне говорят, что все чаще людей интересуют не только дома, где жил Толстой, не только предметы его быта, но и природа, близость к ней мудреца, которого видели тут босым, который ходил за сохой, косил. И написал: «Счастье - это быть с природой, говорить с ней». Как он умел «говорить», мы знаем - все творчество яснополянца пронизано острым чувством природы. Природа была важнейшей частью физической и духовной жизни Толстого и жены его Софьи Андреевны тоже. В дневниках она пишет: «Живу природой и усиленным трудом». Трудов у этой женщины было много. Тринадцать детей, хозяйство (сам Толстой хозяином был неважным), переписка трудов мужа-писателя, непрерывные гости. Но при этом едва ли не на каждой странице записей в дневнике - что-нибудь о природе. «Всю ночь Левочка до рассвета смотрел на звезды». «Брали грибы в березняке...» «Сбегала на полчаса за рыжиками».

Сотрудники музея-усадьбы бережно выписывают из дневников Толстых и произведений Льва Николаевича все, что касается природы и особо природы Ясной Поляны. По этим записям угадывается, что было в усадьбе, как выглядела Ясная при жизни Толстого, строится вся стратегия сбережения бесценного клочка земли площадью 412 гектаров.

ПРИРОДА изменчива - что-то растет, что-то в это же время увядает и умирает. Для Толстого усадьба не была музеем. Изначально это было место довольно голое, изрезанное оврагами. Толстой много усилий приложил засадить овраги дубовым лесом. И преуспел. Площадь лесов в Ясной увеличилась в четыре раза. Среди них-то большая поляна поляной и выглядит.

Лесом тут пользовались по-хозяйски - рубили спелую древесину, брали лес на дрова. В дневниках Софьи Андреевны обнаружена интересная запись (1878 г.): «Мы взялись делать 6000 бочек... Ходила смотреть, как делают». Трудно предположить, что делалось это из усадебного леса. Скорее всего, это было в «засечном», казенном лесу.

В погожий день.

ЯСНАЯ ПОЛЯНА

Все растущее невозможно законсервировать. И все-таки тут поддерживается облик усадьбы, какой была она в последние годы жизни Толстого. Умирающие деревья срубаются, на их место насаждаются новые, но бережно отношение к деревьям-долгожителям, которые «помнят графа». Среди них трехсотлетние дубы, двухсотлетние липы, клены и ясени. Узловатые, с отпиленными омертвевшими сучьями, с залатанными пустотами стволов, они заставляют остановиться, напоминая о течении времени и о том, что деревья обычно переживают людей.

Открытием для меня были тут тополя. Обычно недолго живущие родственники осин тут потрясут увидевшего. Растут они вблизи входа в усадьбу у малого пруда и поражают одновременно высотой, толщиной и стройностью. Мне почудилось даже, что вновь я в Америке, в знаменитом лесу секвой, в лесу деревьев, живущих по несколько тысяч лет. Но это были тополя. Стал вспоминать: где еще видел таких великанов? Вспомнил город Пржевальск на Иссык-Куле и берега аляскинского Юкона. То были деревья мощные, но разлапистые, кряжистые. Тут же тополя при высоте почти в сорок метров - как струны между землею и небом.

При ближайшем рассмотрении оказалось: старые, старые. «Они как трубы - сердцевины почти уже нет, - объясняла мне лесовод Елена Владимировна Солдатова. - Гулкие, как африканские деревянные тамтамы. И, поглядите, - дупла, дупла. В них водились совы и дикие пчелы. Всеми силами стараемся продлить жизнь этих тринадцати великанов. Смотрите, сколько заплаток из жести, из металлических сеток на древесине. Приглашаем для этой работы специалистов - они действуют, как альпинисты».

Тополям двести лет. Посажены были матерью Толстого - Марией Николаевной. Яснополянский «сиделец» часто приходил поглядеть на любимые деревья.

В МУЗЕЕ-УСАДЬБЕ создана «служба природы», которую возглавляет профессиональный эколог Александр Григорьевич Заикин. Я его знаю несколько лет и успел полюбить за ровный, спокойный характер, за преданность Ясной Поляне, за настойчивость в деле. «Моя работа - сделать остров зелени, со всех сторон окруженный дорогами и

боя. Животные хорошо чувствуют безопасность этого места, привыкли к людям. «Синицы и поползни хватают зерна у экскурсантов с руки. В суровое время кое-кого подкармливаем. Для птиц на зиму оставляем пять - семь мешков семечек, для косуль и зайцев бережем яблоки».

Почти священные в Ясной Поляне ужи. Известно, что Софья Андреевна любила безобидных желтоголовых змей, поила их молоком. И сейчас все работники Ясной Поляны считают долгом ужам покровительствовать. Можно услышать крик экскурсанта - «Змея!», но никто из служащих себя не уронит подобной слабостью, хотя уверенно можно сказать: и безобидных ужей любят не все.

БЕРЕЖНО сохраняются, восстанавливаются и постройке прежней Ясной Поляны. Конюшня полна лошадей. На берегу Большого пруда реставрируются баня и кузница. Нынешнего молодого Толстого (Владимира Ильича - праправнука Льва Николаевича) мы с Александром Григорьевичем уговариваем восстановить на Воронке водяную мельницу, и это дело, кажется, двинулось - налажена связь с реставраторами.

Об интересе посетителей Ясной Поляны к старому деревенскому быту свидетельствует притягательная сила недавно восстановленной кучерской избы. В ней собран житейский инвентарь вековой давности - хомуты, дуги, прялка, сундуки, лоскутное одеяло, печной инвентарь. Интерес у массы посетителей к этому такой же, как ко всему, что хранится в доме Толстых. Меня, сидевшего на скамейке у кучерской, две городские девчурки, кусая от смущения воротнички платьев, спросили: «Дядя, а изба работает?» Когда же их с матерями пригласили в избу и позволили влезть на печь, они, притихнув, шептались и никак не хотели слезать.

А мне Александр Григорьевич устроил королевский подарок: разрешил переночевать не в дорогой, предназначенной для иностранцев гостинице, а на печи в кучерской. Ночь оказалась, правда, почти бессонной. Покатавшись с разными мыслями с боку на бок, я вышел наружу. Переключались в темноте совы, «циркали» летучие мыши, у фонаря «трюкали» два сверчка. И висела над Ясной Поляной дымная полоса Млечного пути, сияла Большая Медведица, падали августовские звезды. Время течет, а там, в вышине, - никаких видимых перемен. Вспомнилась запись неутомимой Софьи Андреевны, сделанная сто тридцать лет назад: «Всю ночь Левочка до рассвета смотрел на звезды».

В. ПЕСКОВ.
Фото автора.